

ХОЛОКОСТ — КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЫ

Вульф Канстайнер

Вульф Канстайнер — специалист по немецкой истории, политике памяти, медиа и Холокосту. Профессор Университета штата Нью-Йорк в Бингэмптоне. Автор книг: *In Pursuit of German Memory: History, Television, and Politics after Auschwitz* (2006), соредактор *The Politics of Memory in Postwar Europe* (2006).

РЖ *Какую роль историческая память играет в политике современной Германии и Европы?*

Вплоть до середины 1990-х годов Германия воспринималась главным виновником Второй мировой войны, все остальные были жертвами. Однако затем произошли решающие изменения, которые я называю европеизацией памяти о трагедиях войны.

Европейские элиты — ни в коем случае не население, а именно европейские элиты — пришли к более или менее единому консенсусу по поводу значимых ценностей и основополагающих исторических событий. После окончания холодной войны одним из ключевых политических,

моральных, исторических событий был признан Холокост. Примерно в 2000 году для элит была организована чрезвычайно важная конференция в Стокгольме — конференция, посвященная Холокосту. Там было озвучено и, можно сказать, взлелеяно представление о Холокосте как точке отсчета, Европа же была провозглашена институтом борьбы против геноцида.

Все это важно потому, что именно эти понятия сегодня определяют Европу в противовес не-Европе. **Европейские лидеры — хотя, конечно, это несколько мифологизированное представление — пришли к согласию относительно того, что Холокост — их общее наследие и что противостояние Холокосту в любой его форме должно стать нравственной ценностью.** На этом общем наследии выстраивается политика Европы. Именно оно играет решающую роль при решении вопроса о современных границах Европы. Давайте вспомним Турцию. Отказ Турции — по крайней мере Европа восприняла это именно так — признать геноцид армян стал одним из решающих камней преткновения в любых переговорах о вступлении Турции в Евро-союз. И до тех пор (я говорю об этом с полной уверенностью), пока Турция официально **п р и н я т а** своей нынешней позиции по этому вопросу, у нее нет никаких шансов стать частью Европы.

Кроме того, общеевропейская память о Холокосте является одним из моментов, оказывающих значительное влияние на отношения Европы с Соединенными Штатами. США в глазах Европы отвергли нравственный консенсус, основанный на памяти о Холокосте, и сами стали нарушителями прав человека.

РЖ *То есть сегодня Холокост и память о нем — это наследие уже не только Германии, но и всей Европы? Это некий моральный консенсус?*

Это символический и моральный консенсус. Конечно, ведутся постоянные споры, но **на более фундаментальном уровне память о Холокосте бережно хранится, по крайней мере представителями политической элиты, как международное, транснациональное наследие Европы.** Это наследие европейские лидеры мобилизуют в полном объеме во время своих переговоров с внешним миром, то есть с не-Европой. Естественно, все это в полной мере проявляется и в отношениях с Россией. У РФ иная коллективная память, отличная от коллективной памяти Европы и европейцев, что иногда приводит к достаточно серьезным разногласиям между Россией и Европой.

РЖ *Можем ли мы сказать, что в плане исторической памяти существует определенное напряжение между интересами элит и интересами народа?*

Отчасти да. Позвольте привести пример, который показывает, как историческая память способна влиять на отношения стран друг с другом. Речь идет об Италии и Гер-

Европейские лидеры пришли к согласию относительно того, что Холокост — это их общее наследие

мании. Итальянские суды дали жертвам военных преступлений — а во многих случаях это наследники жертв — право на материальную компенсацию. Вследствие изменившейся интерпретации международного права, приводящей к медленному, но верному подрыванию фундаментального принципа неприкосновенности государств,

поднимается волна судебных исков. Сегодня различные группы, если можно так выразиться, подвергают сомнению основные законы международного права, действующие с 1945 года. Эти люди всегда были заинтересованы в получении компенсации, они были исполнены неутоленных обид, но у них никогда не было юридических механизмов для придания веса своим моральным притязаниям. Проблема заключается в том, что суды теперь, чтобы удовлетворить иски, могут санкционировать захват собственности правительства Германии в Италии. А это, разумеется, противоречит интересам не только немецкого, но и итальянского правительства. Ирония ситуации заключается в том, что немецкое правительство подало иск в международный суд ООН в Гааге против итальянского правительства, итальянское же правительство поддержало этот иск, так как отказ от принципа неприкосновенности государств невыгоден никому из них.

РЖ Это позитивный процесс?

Он неоднозначен. Правительствам и государствам он не нравится, так как доставляет проблемы и отвлекает ресурсы. Им приходится возвращаться к тому, что, как им казалось, уже давно было улажено. Что касается пострадавших и их наследников, то они впервые почувствовали вкус власти, которой у них никогда не было.

РЖ Считаете ли вы, что различия в коллективной памяти могут привести к международным конфликтам?

Когда политики недооценивают коллективную память, сложившуюся в своих странах, а также в странах соседних, они совершают ошибку и сталкиваются с сопротивлением, которого совсем не ожидали. В отношениях между Германией и Россией есть один вопрос, который поднимается с завидным постоянством. Это вопрос о произведениях искусства, вывезенных в Россию советскими солдатами. Позиции сторон по этому пункту кардинально противоположны. Отчас-

ти это обусловлено различиями в коллективной памяти. Немецкая общественность и даже немецкая элита часто ссылаются на международное право, юридические положения начала XX века и говорят: «Эти культурные артефак-

Ошибки отцов - проклятье детей

ты являются частью нашего наследия, и они принадлежат Германии». И мне иногда кажется, что они не в силах связать юридический вопрос о произведениях искусства и свои политически корректные утверждения, признающие ужасающие разрушения, причиненные нацистами России. Конечно, они осознают масштабы ущерба, нанесенного России, но я не уверен, понимают ли они эмоциональную важность этой истории для всей русской исторической памяти. Скорее всего, со временем немецкие элиты придут к осознанию того, что упор на юридические нормы — плохой инструмент, когда речь заходит об эффективной политике памяти, где символы по-настоящему важны и, я бы сказал, оправданы.

РЖ Пытается ли кто-то манипулировать исторической памятью? Вообще, насколько она подвластна манипулированию?

Тут нет никаких секретов: все пытаются манипулировать памятью. Однако есть сомнительное манипулирование, скорее создающее проблемы, чем их решающее, но есть и вполне приемлемое манипулирование. Если

брать Германию, то можно вспомнить обо всех тех инициативах, которые были предприняты администрацией Коля в 1990-х годах: новые музеи, новые праздники, выставки. Это было манипулирование, но оно было со-

вершено в рамках демократических дебатов и во многих случаях оказалось удивительно эффективным. Оно усилило саморефлексию и самокритику, а не спровоцировало появление упрощенной не критичной националистической памяти, как считали критики.

Но все же коллективной памятью не так-то просто манипулировать. Во многом она развивается сама по себе, у нее есть своя собственная динамика. Историческая память — это то, как различные группы осмысливают и ощущают свое прошлое. Те мнения о прошлом, которые транслируются политиками и элитами, отнюдь не всегда влияют на историческую память. Или же влияют, но совсем не так, как того хотят манипуляторы.

Когда разные группы, поколения, люди неодинаковых политических взглядов смотрят один и тот же продукт, фильм, ТВ-шоу, они выносят оттуда совершенно разные эмоции и соответственно неодинаково интерпретируют их. В данной сфере простое манипулирование никогда не дает никаких результатов. ■

*Интервью подготовили
Александр Павлов
и Дмитрий Узланер*